

ЗИНАИДА ГИППИУС

ВРЕМЯ

Зинаида Николаевна Гиппиус

Время

Аннотация

«Очень далеко, на севере, жила принцесса, которую звали Белая Сирень.

Принцесса жила в большом, красивом саду. В нем не было других деревьев, кроме сиреневых, даже павильон посередине сада, где спала принцесса, был выстроен из стволов сирени, а мебель внутри павильона стояла только белая и светло-лиловая. Когда зацветала сирень – весь сад наполнялся тяжелым благоуханием, на высоких кустах, заслоняя зелень, висели белые и лиловые гроздья, и ветки нагибались от тяжести цветов...»

Содержание

I	4
II	7
III	8
IV	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Зинаида Гиппиус

Время

«...И клялся Живущим во веки веков Который сотворил небо и все, что на нем, землю и все, что на ней, и море и все, что в нем, что времени уже не будет».

Апокалипсис, гл. X, 6.

I

Очень далеко, на севере, жила принцесса, которую звали Белая Сирень.

Принцесса жила в большом, красивом саду. В нем не было других деревьев, кроме сиреневых, даже павильон посередине сада, где спала принцесса, был выстроен из стволов сирени, а мебель внутри павильона стояла только белая и светло-лиловая. Когда зацветала сирень – весь сад наполнялся тяжелым благоуханием, на высоких кустах, заслоняя зелень, висели белые и лиловые гроздья, и ветки нагибались от тяжести цветов. Принцесса сидела на ступеньках своего павильона и грустно смотрела в сад. Она была очень молода, очень мила и грациозна, с нежным и бледным лицом, точно вылитым из воска. Ее глаза, всегда печальные, были зелены и прозрачны, как первая полоска зари, а волосы так мягки и

так светлы, что казались серебряными; они свободно падали белой волной на плечи.

Принцесса всегда была грустна. Она много читала и училась, к ней ходили важные учителя, но ни один из них не знал и не умел научить принцессу, как победить злого старика, который сидит на скале над морем. Его никто никогда не видел, и принцесса никогда не видала, но это уже было известно, что он сидит на скале. Злого старикашку звали Время; все говорили, что он единственный царь света, а принцесса чувствовала, что она не может спокойно дышать и жить, если не найдет в мире чего-нибудь сильнее старика. Но до сих пор – она видела – из всего существующего он над одним собой был безвластен, и потому только, что это был он сам.

– Что же? – рассуждала принцесса. – Ведь если есть время, значит, нет ни радости, ни горя, значит, жизни нет. И в душе человеческой нет ни одного чувства, ни одного ей принадлежащего, потому что ни одного нельзя удержать. На что мне сирень, если она отцветет, на что мне солнце, если оно закатится? Куда уйти от времени? Где найти то, что сильнее времени?

Принцесса не любила ночей. Ей страшно было ночью и казалось, что день не вернется. В ее саду, когда цвели сирени, заря встречалась с зарею и ночь была бледна, как облачный день, но короче дня.

Время шло, гроздя на кустах сохли, темнели и сжимались, солнце грело жарче, а вечером спешило к горизонту –

и спало дольше; глаза принцессы становились все печальнее; ей чудилось, что злой старик близко от нее и замышляет недоброе. Принцесса терпела, пока могла – потом приказывала снарядить пышный корабль, брала своих приближенных и любимую, еще не старую, няню и пускалась в путь. Они ехали далеко, далеко, через все море, на другой конец земли, где у принцессы был такой же сад, полный сиреневыми кустами, такой же белый и лиловый павильон – только в то время, как в одном саду облетали листья, шумели мокрые осенние ветры, и ночи все чернели и росли – в другом опять заря не хотела уходить с неба до утра, а на кустах рождались темные, робкие почки. Опять принцесса просиживала бледные ночи на пороге своего павильона, опять смотрела на восток печальными глазами и шептала:

– Где я найду то, что мне нужно? Есть ли на свете то, что будет всегда?

II

Съехались к принцессе гости, молодые принцы и герцоги. Они слышали, что принцесса красива, богата и тиха – и желали взять ее замуж.

Когда пришла няня, запыхавшись, и доложила принцессе, что ее ждут в белой зале павильона и что она должна выбрать между герцогами мужа, – Белая Сирень удивилась и даже испугалась.

– Что ты, няня, – сказала она. – Зачем я пойду замуж?

– Как зачем, родная? Подумай-ка, все выходят замуж. Муж тебя станет любить, баловать, ты его также люби, придет время – детки будут, утешенье тебе.

Принцесса покачала головой.

– Нет, няня, милая. И тут опять время, ты говоришь – время... И дети мои будут служить злему старику... Каждому, няня, жизнь дана для самого большого, что он может сделать. Недаром у меня эти думы, эта тоска. Теперь ищу, мучаюсь – но лицом к своему свету стою; а тогда – зареюсь, закроюсь, подчинюсь времени без ропота – и погибну раньше своего часа. Не пойду я замуж. Скажи им, няня.

Няня вышла, ни слова не промолвив. И герцоги и принцы поехали со двора, удивленные и раздосадованные.

III

Уходило солнце, и цветы сирени сделались розовыми, когда их озарили последние лучи.

Принцесса сидела одна, в своем белом платье с длинными лентами, на низенькой дерновой скамеечке. Отсюда виднелась каменная ограда, а за оградой – далекое, очень далекое небо: в той стороне было море.

Принцесса думала свою вечную думу. В душе у нее было смутно. Она не знала, чего она ждала, не знала, в каком образе явится сила, которой суждено победить время. Может быть – это слова, громовые слова, они пронизут сердце, как острое копьё, остановят время и дадут людям истинную свободу. Все равно, всем людям или одному человеку. Все равно, одному ли человеку, или одному чувству его, одному движению сердца; значит, есть то, может быть, то, чего нет на свете.

А иногда принцессе казалось, что божественная сила в любви. Не в той, которою принцесса любила свой сад, любила бы мужа и детей, если бы вышла замуж; такая любовь – вся под временем, идет время – она стареет, умирает. Но принцесса чувствовала, что есть другая любовь – сильнее времени. Она должна быть одна, неприступная, неразделенная... Когда она раскалывается надвое – время ее съедает. И великая любовь – самое прекрасное в мире, потому что она

бесконечная. Только бесконечною можно победить. Время, ведь оно-то не бесконечное, оно когда-то началось, значит, и кончится...

Все это знала принцесса; но есть ли на свете такая любовь? И где искать ее?

Принцесса опустила голову. Она не заметила, что через низкую ограду перескочил какой-то человек и, семеня ножками, приблизился к скамейке. Долго он смотрел на печальную принцессу. Наконец, она почувствовала, что не одна, и подняла глаза.

– Кто вы? – сказала она, нисколько не испугавшись. – Вы пришли погулять в моем саду?

Принцесса никого не боялась, она была очень доверчива. Каждый человек, которого она знала, казался ей хорошим и добрым.

Теперь она, может быть, прибавила бы ласковое слово, но незнакомец не понравился ей своею наружностью. Он снял широкополую шляпу и низко поклонился, а взгляд принцессы выражал все большее и большее замешательство. Она не могла превозмочь в себе неприязнь и даже некоторое отвращение ко всей фигуре гостя. Одежда его показывала, что он знатен. Со шляпы висело длинное перо, матовое, как уголь. Коротенькие и странно-маленькие ножки в туфлях на высочайших каблуках выглядывали из-под плаща. Плащ был такого темного, густого, красного цвета, что казался черным, и только на складках, где ломался тяжелый бархат, выступали

огненные полосы.

Сам незнакомец был поразительно дурен собой. Черные глазки странно мерцали из-под бровей, точно далеко, в самой глубине зрачков, были положены красноватые угольки. Широкий нос ложился на усы, а щеки горели слишком ярким румянцем и обличали прекрасное здоровье и полнокровие.

Не понравилась принцессе и шапка черных, тусклых волос над выпуклым лбом.

Но она победила себя и сказала опять, по возможности ласково:

– Вы хотите букет сирени?

– Принцесса, – ответил незнакомец вежливо, – я не мог увидеть вас иначе, как войдя прямо в сад. Простите. Я приехал в сиреневый павильон, но меня не приняли. А я не свататься приехал, принцесса.

– Кто вы? Как ваше имя?

– Меня зовут герцог Багровый Свет. А приехал я к вам, чтобы поговорить о том, о чем вы всегда думаете.

Принцесса восторгалась и молча поглядела на собеседника. В ее бледных глазах была надежда.

– Вас мучает власть времени, – говорил герцог. – Вы не знаете, как называется самое великое в мире. Хотите, я скажу вам его имя, принцесса?

Принцесса побледнела, вскочила со скамейки.

– Умоляю вас, – произнесла она, – говорите!

Она забыла уродство герцога и сжимала его руки в своих. Герцог улыбнулся и сел на скамейку рядом с принцессой.

– Слушайте меня, – начал он. – Единая, вечная сила – есть зло. Страна моя лежит там, далеко на севере, у подножий ледяных вулканов. Они спят, все белые – но часто просыпаются, открывают красные очи, льды трескаются и кипят, гибнет все вокруг, а небо горит багровым светом. Широко, до самого зенита, тянутся, дрожат огненные лучи. Торжествует сила разрушения, вечное зло! Когда все разрушится – не будет времени!

Герцог одушевился. Принцесса глядела вниз, не смея верить.

– Вникните в жизнь, – продолжал герцог. – Везде, всюду борьба – и везде победа зла. Величие – в уничтожении, и одно зло победит мир!

Принцесса подняла глаза.

– О, если это так! Убедите меня, что вы правы! Пусть увижу сама великое Зло!

И она, бледная и взволнованная, протянула герцогу руки. Все равно, все равно чем – лишь бы убить ненавистного старика, который дышать не дает сиреневой принцессе.

IV

У каждой страны есть свои обычаи и законы. А сиреневая страна была совсем особенная, не похожая на другие, значит, неудивительно, что и законы ее были особенные.

Владения принцессы состояли из двух больших островов, причем один лежал у северного полюса, а другой у южного. Принцесса и ее двор, как уже было сказано, проводили полгода на одном острове, а полгода на другом. И на том, и на другом были одинаковые законы. Впрочем, законы эти знал наизусть каждый подданный, потому что их всего-навсего считалось три. По первому – каждый, кто ехал в чужие земли, должен был снаряжать корабль, не похожий на корабли сиреневого царства, надевать одежды такие, какие носили люди чужих стран, и, кроме того, он ни разу, ни одним словом не смел упоминать и рассказывать о родных сиреневых садах. Иначе неосторожный забывал дорогу домой и навеки должен был оставаться на чужбине. Дорога никому не была известна, никто из посторонних не мог бы добраться туда; только одни ученые, которые никогда не покидали своих кабинетов, на основании математических данных, думали, что есть трудный и опасный проход между льдами, а за льдами – земля, но, обыкновенно, ученым или попросту не верят, или весьма мало интересуются их открытиями. Так как путешествие из сиреневой страны в другие земли стоило

очень дорого, то почти никто и не ездил оттуда, разве самые богатые люди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.